



### «Язык и есть Россия...»

Русский язык в художественном сознании А. С. Кушнера

© Н. М. ШЕДРИНА,  
доктор филологических наук  
© Н. Н. ШАХОВСКАЯ

В статье рассматриваются стихотворения А.С. Кушнера, посвященные русскому языку (в частности, фонетике, синтаксису, стилистике) и прослеживается важная для поэта мысль о необходимости каждого элемента лингвистической системы для развития художественной словесности и сохранения культурного кода.

*Ключевые слова:* Кушнер, Тургенев, поэзия, русский язык, Россия.

The article deals with A. Kushner's poems dedicated to the Russian language (and, in particular, phonetics, syntax, stylistics), traces the thought that is important for the poet: every element of the linguistic system is necessary for the development of literature and the preservation of the cultural code.

*Key words:* Kushner, Turgenev, poetry, Russian language, Russia.

Александр Семенович Кушнер – современный поэт, живет в Петербурге, (родился в 1936 году). Лауреат отечественных и зарубежных литературных премий: «Северная Пальмира» (1994), Государственная премия РФ (1996),

премия журнала «Новый мир» (1997), Пушкинская премия фонда А. Тёпфера (1999), Пушкинская премия РФ (2001), Царскосельская худ. премия (2004), премия «Поэт» (2005), премия имени К. Чуковского (2007), сербская поэтическая премия «Золотой ключ» (2007), премия Московской международная книжной выставки-ярмарки «Книга года» (2011), международная премия «Балтийская звезда» (2013), китайская лит. премия «Золотая тибетская антилопа» (2015). Автор более пятидесяти книг, литературоведческих эссе, стихов для взрослых и детей: «Первое впечатление» (1962), «Приметы» (1969), «Голос» (1978), «Таврический сад» (1984), «На сумрачной звезде» (1994), «Летучая гряда» (2000), «Кустарник» (2002), «Холодный май» (2005), «Земное притяжение» (2015), «Облака выбирают анапест» (2008), «Вечерний свет» (2013) и др. Произведения поэта переводились на полтора десятка мировых языков, в том числе на английский, болгарский, голландский, иврит, итальянский, каталанский, китайский, немецкий, сербский, французский, чешский, японский.

Предисловия к книгам стихов Кушнера писали И.А. Бродский, Д.С. Лихачев, В.С. Шефнер. Творчество поэта анализировали А.Ю. Арьев, Л.Я. Гинзбург, Т.А. Бек, А.Г. Машевский, Е.В. Невзглядова, И.Б. Роднянская, И.О. Шайтанов и др.

В жизни Кушнера было такое время, когда он преподавал в школе русский язык и литературу – с 1959 по 1969 год. Русскому языку поэт посвящал свои произведения в разные периоды. В стихотворении 1983 года «Во дни сомнений (Я не понимал...)» поэт обращается к произведению И.С. Тургенева «Русский язык» (1882). Интертекст вплетается в стиховую ткань не за счет включения аллюзий, повторения ритмико-интонационного рисунка или других художественных приемов, а при помощи диалога с классическим текстом русской литературы. Первые три строфы содержат чередующиеся реплики или внутренний монолог школьника во время повторения: учителя, читающего текст вслух, и ученика, мысленно недоумевающего, зачем учить стихотворение наизусть и какое значение оно имеет:

Во дни сомнений (Я не понимал,  
Каких еще сомнений?) В дни раздумий  
(Каких раздумий?..) [1].

«Вставочка», которая «в пенал / укладывалась вроде древних мумий», интересует мальчика больше, чем произведение классика, «тьень», «шум» и «сумерки» школьных помещений поглощают остатки его внимания. Тургеневские строчки не запоминаются, ежеминутно изменяясь в детском сознании:

*Ты мне один – опора и порука.  
(Или подмога? Кто бы мне помог?  
Стихотворенье в прозе, что за мука!..)  
(Курсив наш. – Н.Ш., Н.Ш.).*

Ученик пытается затвердить первую фразу тургеневского стихотворения в прозе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора...» [2], по-прежнему плохо понимая заключенный в нем смысл:

(Как это можно выучить? *Во дни?*)  
*Во дни сомнений, тягостных раздумий*  
 (Каких? Зачем?..) [1].

Но в последнем четверостишии звучит голос повзрослевшего поэта, спустя годы осознавшего значение и важность выученного в школьные годы лирического текста. Кушнер, вслед за Тургеневым, приходит к мысли, что русский язык драгоценен: «*Свободный и могучий*» [Там же]; сравним у Тургенева: «великий, *могучий*, правдивый и *свободный* русский язык!» [2]. Он воплощает в себе складывающийся веками код русской культуры: «Язык и есть Россия» [1] и способен утешить в самый «черный день» [Там же].

В стихотворениях «Буквы», «Вводные слова», «Пунктуация, радость моя!..», «Я люблю тиранию рифмы — она добиться заставляет...» речь идет об особенностях языка. Так, в стихотворении «Буквы» («В латинском шрифте, видим мы...» (31 декабря 1967 года)) поэт говорит о фонетической стороне речи. Для Кушнера важна звукопись: звуки «же» и «ша» ассоциируются с огромными русскими пространствами, их размахом, ширью и выюгами:

А в русских буквах «же» и «ша»  
 Живет размашисто душа,  
 Метет метель, шумя и пенясь [3. С. 66].

В стихотворении «Вводные слова» («Возьмите вводные слова...» (14 мая 1961 года)) Кушнер обращается к синтаксису русского языка, речь идет о функциях вводных конструкций. В первой строфе поэт говорит о том, что роль вводных слов в предложении — заключать в себе не смысловое ядро предложения, а оттенки смысла:

Возьмите вводные слова.  
 От них кружится голова,  
 Они мешают суть сбересть  
 И замедляют нашу речь [Там же. С. 7].

Указание на чувства говорящего — одна из четырех основных функций вводных конструкций, к которой обращается Кушнер:

И все ж удобны потому,  
 Что выдают легко другим,  
 Как мы относимся к тому,  
 О чем, смущаясь, говорим.

Мне скажут: «К счастью...»  
И потом  
Пусть что угодно говорят,  
Я слушаю с открытым ртом  
И радуюсь всему подряд [Там же].

Еще одно назначение вводных слов — обозначать последовательность мыслей, и о нем тоже упоминается в стихотворении:

Меня, как всех, не раз, не два  
Спасали вводные слова,  
И чаще прочих среди них  
Слова «во—первых», «во—вторых».  
Они, начав издалека,  
Давали повод не спеша  
Собратся с мыслями, пока  
Не знаю, где была душа [Там же].

В стихотворении «Пунктуация, радость моя!..» поэт говорит о насущной ее необходимости для русского языка и о своем отношении к ней. Кушнер убежден, что она обогащает язык оттенками смысла, фиксируя интонацию при помощи знаков:

Пунктуация — радость моя!  
Как мне жить без тебя, запятая?  
Препинание — честь соловья  
И потребность его золотая.  
Звук записан в стихах дорогих... [Там же. С. 344].

Во второй строфе он повторяет многократно им высказанную (и Е. Невзглядовой, женой поэта, посвятившей множество работ интонационной теории стиха) мысль о том, что интонация вплетается поэтом в ткань стихотворения, прочно в нем закрепляется (поэтому, с его точки зрения, актерская декламация и авторская песня искажают смысл):

Что точнее безоглядного пенья?  
Нету нескольких способов их  
Понимания или прочтения [Там же].

Особое внимание поэт уделяет конкретному пунктуационному знаку — тире, отмечая одно из его назначений — сопоставление и разграничение:

Нас не видят за тесной толпой,  
Но пригладить торопятся челку, —  
Я к тире прибежал с запятой,  
Чтобы связь подчеркнуть и размолвку [Там же].

Есть у Кушнера стихи, в которых он с сожалением отмечает, что современные поэты и писатели-постмодернисты часто пренебрегают знаками препинания. Для него это неприемлемо (как и любое радикальное изменение в художественной словесности — плодотворным он считает внутреннее, подспудное, почти незаметное изменение в традиционной поэтике — новую интонацию, оттенки смысла и т.д.):

Огорчай меня, постмодернист,  
Но подумай, рассевшись во мраке:  
Согласились бы Моцарт и Лист  
Упразднить музыкальные знаки? [Там же].

Большое значение поэт придает рифме, которую считает необходимым элементом стихотворения и подчеркивает ее роль в смыслообразовании и художественном воплощении авторской идеи (об этом же поэт говорит в стихотворении «Не я поклонник белого стиха...»):

Я люблю тиранию рифмы — она добиться  
Заставляет внезапного смысла и совершенства,  
И воистину райская вдруг залетает птица,  
И оказывается, есть на земле блаженство [Там же. С. 407].

Поэт выступает приверженцем русского рифмованного, регулярного стиха, «возможности которого (прежде всего, интонационные)», по его словам, «далеко не исчерпаны, бесконечно разнообразны (новая русская поэзия молода, значительно моложе своих европейских сестер, насчитывает всего лишь три века)» [4].

Скоро мы на верлибр перейдем и забудем рифму;  
Учатся сторожевые рычать по-английски львы;  
Битва при Гастингсе в школе Полтавскую сменит битву [5].

Кушнер утверждает, что русский язык «придумал гений» [3. С. 407], что это наше достояние, которое необходимо хранить, бережно относясь к каждому его элементу, иначе он потускнеет и ослабнет, распадется и может быть замещен другим, чужим:

Русский язык, как латынь, постепенно сойдет на нет.  
Те, кто писал на нем, промахнулись с заветной лирой...  
Горе нам, бедным, теряющим речь, увы... [5].

### *Литература*

1. Кушнер А.С. В новом веке. М., 2006. С. 68.
2. Тургенев И.С. Собр. соч. В 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 57.

3. *Кушнер А.С.* Избранные стихи. СПб., 2016.
4. Персональный сайт А.С. Кушнера [Электронный ресурс]. URL: <http://kushner.poet-premium.ru/bio.html> (дата обращения: 31.05.2017).
5. *Кушнер А.С.* Тысячелистник: [Книга стихов; Заметки на полях]. СПб., 1998. С. 64.

*Московский государственный областной университет*

  

---

---

  

---

---